

⁸ Летом и осенью 1863 г. «Колокол» поместил ряд материалов по финскому вопросу, среди них две статьи — «Финляндия» (л. 164 от 1 июня) и «Голос из Финляндии» (л. 173 от 15 ноября). Первая статья принадлежала Бакунину (см. об этом в письме Огарева к А. А. Герцену от 25 мая 1863 г., публикуемом в т. 64 «Лит. наследства»); авторство второй, подписанной псевдонимом «Финляндец», не установлено. Намерение Огарева написать «серьезный обзор по финляндскому вопросу», повидимому, не было осуществлено.

ОГАРЕВ и ГЕРЦЕН — А. А. СЛЕПЦОВУ

Публикация Б. П. Козьмина

Член Центрального комитета тайного общества «Земля и воля» Александр Александрович Слепцов (1835—1906) в середине января н. ст. 1863 г. выехал по поручению Центрального комитета из Петербурга за границу. Ему было поручено вербовать заграничных агентов «Земли и воли» и обеспечить печатание и доставку в Россию прокламаций и иной революционной литературы в количестве, достаточном для ведения широкой пропаганды в народе. По дороге, в Варшаве, Слепцова застало начало польского восстания. Он был свидетелем неожиданного нападения повстанцев на русские войска и первых боевых схваток. В Варшаве Слепцов вступил в переговоры с руководителями восстания — Зигмундом Падлевским и Агатом Гиллером, а также написал прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь...», изданную и распространяемую от имени «Земли и воли» (см. XVI, 151—155). Из Варшавы Слепцов направился в Лондон на свидание с Герценом и Огаревым. Он прибыл туда в начале февраля. В «Былом и думах» Герцен не без юмора рассказывает о появлении Слепцова в Лондоне и о тоне, принятом им на первых порах в переговорах с Герценом, Огаревым и Бакуниным.

«Уполномоченный,— писал Герцен,— был полон важности своей миссии и пригласил нас сделаться агентами общества „Земли и воли“. Я отклонил это, к крайнему удивлению не только Бакунина, но Огарева... Я сказал, что мне не нравится это битое французское название. Уполномоченный трактовал нас так, как комиссары конвента 1793 г. трактовали генералов в дальних армиях. Мне и это не понравилось» (XIV, 440).

Интересным дополнением к этому сообщению Герцена является вариант, имеющийся в рукописи «Былого и дум». Здесь Герцен рассказывает, что Слепцов «хотел из редакции „Колокола“ сделать заграничный аванпост общества», на что Бакунин и Огарев, по словам Герцена, соглашались. «...Но мне было что-то противно играть постоянно роль холодильника — и я предложил вступить просто-напросто с ними в союз и быть их друзьями, а не агентами» (А. И. Герцен. Былое и думы, т. V. М., 1939, стр. 558).

Отпор, полученный от Герцена, заставил Слепцова сбавить тон. С другой стороны, и Герцен, считаясь с настояниями Огарева и Бакунина, проявил уступчивость. Впоследствии он в этом раскаивался, хотя и понимал неизбежность уступок в политических условиях того времени, когда восстание, происходившее в Польше, и надежды на неминуемую народную революцию в России к весне 1863 г. требовали сплочения революционных сил. В конце 1864 г. в письме к неизвестному Герцен сообщал: «Я не хотел и не должен был мешать, я осадил свой скептицизм и наделал ряд ошибок...» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 276). Однако по некоторым вопросам, обсуждавшимся во время переговоров со Слепцовым, Герцен проявил непоколебимую твердость. Он категорически отверг требование уполномоченного «Земли и воли» сделать «Колокол» органом тайного общества, настаивая на полной самостоятельности этого издания, и отказался обратить на нужды «Земли и воли» деньги, полученные им от П. А. Бахметева, на чем настаивал Слепцов («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 276) *.

* Пользуюсь случаем, чтобы устранить некоторые неточности и ошибки, допущенные мною при комментировании указанного письма Герцена. Упомянутый в нем

Таким образом, даже под давлением Огарева и Бакунина, Герцен далеко не во всем уступил Слепцову. В письме к Огареву от 15 февраля 1863 г. он писал относительно руководителей «Земли и воли»: «Пусть же они докажут, что они — сила. Что мы с ними и со всеми, кто идет тем же путем, это они знают. Но, стоя на построенном нами фундаменте одиноко, пока не убедимся, что их прочнее, мы не будем увлечены в *fiasco* или нелепость. Служить им я буду, но прежде, чем брать солидарную ответственность, хочу видеть их журнал, их *profession de foi*». И далее: «...Я не знаю, чего именно ты хочешь от меня. Смешать 0 нашего фонда с 0 их? Можно. С<лепцов> говорит, что мы можем распоряжаться, а С₁ придет да задаст не такую гонку. Это даже Бак<унин> не принимает» (XVI, 68—69)*.

К чему же свелись результаты переговоров Слепцова с редакторами «Колокола»? В ближайшем же после отъезда Слепцова из Лондона номере «Колокола» (л. 157 от 1 марта 1863 г.) появилась передовая статья, извещавшая, что «столичные и областные круги, соединясь между собой и с офицерскими комитетами, сомкнулись в одно общество» и что «общество это приняло название „Земля и воля“». В том же листе «Колокола» было напечатано обращение совета общества «Земля и воля» с призывом ко «всем русским на денежное пожертвование в пользу сосланных и ссылаемых и на сопряженные с общим делом расходы» (см. стр. 129 настоящего тома). Это обращение было повторено и в следующих номерах «Колокола».

Что же представлял собою совет общества «Земля и воля»? Впервые о нем стало известно из прокламации «Офицерам всех войск от общества „Земля и воля“», написанной в феврале 1863 г. Огаревым совместно со Слепцовым. В ней мы читаем: «Наше общество не погибло. Напротив того, оно упрочилось и увеличилось. Учредился совет общества». К этим словам сделана подстрочная сноска: «В России, а не за границей, хотя мы и за границей имеем друзей, преданных нашему общему народному делу» (XVI, 40). По всей вероятности, это последнее указание было сделано из конспиративных соображений**; в действительности же совет общества «Земля и воля» было решено учредить в Лондоне при редакции «Колокола». Кто персонально вошел в состав совета и каковы должны были быть его взаимоотношения с Центральным комитетом «Земли и воли», остается неизвестным. Записи на этот счет, сделанные Огаревым в записной книжке и опубликованные М. К. Лемке (там же, 93—95), вопреки его мнению, относятся не к февралю 1863 г., когда Слепцов находился в Лондоне, а к значительно более позднему времени, к осени или к началу зимы, когда общество «Земля и воля» фактически уже не существовало***. Поэтому судить о полномочиях совета по этим записям невозможно. Надо полагать, что совет мыслился участниками лондонских переговоров как учреждение, стоящее не над Центральным комитетом, а при нем — в качестве совещательного органа****.

«Б» — не В. И. Бакст, а Вахметев. Далее, в словах Герцена: «На одной сильной личности держалось движение, а сослани — где продолжение?» — имеется в виду не Н. А. Серно-Соловьевич, по делу которого во время написания Герценом письма разговор еще не был вынесен, а, — как правильно указал покойный Я. З. Черняк, — Н. Г. Чернышевский, уже сосланный на каторгу и находившийся в Сибири.

* По поводу переговоров редакторов «Колокола» со Слепцовым Я. З. Черняк писал: «Необходимо отметить, что все действия редакции „Колокола“, т. е. Герцена и Огарева, по отношению к „Земле и воле“ и начавшемуся польскому восстанию были вполне единодушны» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 556). Как показывают приведенные в тексте высказывания Герцена, утверждение Я. З. Черняка, вполне правильное по отношению к польскому восстанию, ибо в этом вопросе Герцен и Огарев были действительно единодушны, никак не может быть признано соответствующим действительности в части, касающейся взаимоотношений Герцена с представителем «Земли и воли».

** Такое предположение было высказано Я. И. Линковым. См. его статью «Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности „Земли и воли“». — «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 123.

*** См. об этом в названной работе Я. И. Линкова, на той же странице.

**** Как это ни странно, Я. И. Линков, справедливо усумнившийся в правильности датировки записей Огарева, сделанной Лемке, тем не менее, в противоречии с самим собою, счел возможным на основании этих записей разрешать вопрос относительно функции совета «Земли и воли» и даже сделал совершенно невероятное заключение,

Все то небольшое, что нам известно относительно совета «Земли и воли», дает основание думать, что деятельность его на практике свелась к опубликованию объявления относительно сбора денег на революционные нужды. К тому же существование совета вряд ли было продолжительным, так как вскоре связь между Лондоном и центром «Земли и воли» прервалась. Что же касается, в частности, самого Слепцова, то уже в начале мая Огареву пришлось «умолять» его не устраниваться от участия в революционном движении, так как под влиянием хода событий в России Слепцов пришел к выводу, что «кровавые перевороты были бесплодны, если мысль не созрела, а если мысль созрела, то не нужно было кровавых переворотов» (там же, 91).

17 февраля Слепцов в сопровождении сына Герцена, согласившегося принять на себя обязанности агента тайного общества «Земли и воли», выехал из Лондона в Париж. Оттуда он, после переговоров с руководителями польской эмиграции, намеревался возвратиться на родину. Однако под впечатлением неудач польского восстания и крушения надежд на народную революцию в России, которая, по убеждению русских революционеров того времени, должна была вспыхнуть к весне 1863 г., Слепцов, как указано выше, начал испытывать сомнения в правильности революционного пути. Опасаясь репрессий, которые могли ждать его в случае возвращения на родину, он решил остаться на продолжительное время за границей. Вскоре же этот случайный в революционном движении человек навсегда отошел от участия в нем. В 1868 г. Герцен, встретившийся со Слепцовым в Ницце, писал Огареву: «Слепцов боится ходить ко мне — хорош» (XX, 131).

Вскоре после этого Слепцов, наконец, осмелился возвратиться на родину. Все его бывшие прегрешения оказались забытыми, и никаким преследованиям со стороны правительства он не подвергся. Превратившись в мирного чиновника, числившегося в либералах, он дожил до 1906 г.

Письмо печатается по перлюстрационной копии «краковской коллекции» (Библиотека Польской Академии наук, Краков).

А. СЛЕПЦОВУ *

Париж, 9, Rue de Grammont
21 мая <1863 г.> Лондон

Любезный Александр Александрович, я думал, что вы уже уехали, и теперь рад, узнавши, что остались. Я думаю, теперь, летом, полезнее остаться и лечиться. Герцен посылает вам письмо к Мишле; кажется, что можно найти литературную работу в парижских журналах, где, по известной азбуке, можно провести многое¹. Пишите, что и как, и поедете ли вы к Fleury². До другого раза — сегодня некогда.

О г а р е в

*Рукой Герцена **:*

Насчет занятий, которые бы давали, сверх рассеяния, выгоду — во Франции, в стране скупости и эксплуатации талантов, я не могу ничего придумать. H. de La Veaux³ и теперь еще переводит «La Cloche». Посылаю вам письмо к Мишле, от вас будет зависеть сблизиться с ним, он добр и мил, но француз. Я был сердит на него за последнюю брошюру⁴. Если вы желаете, я пришлю письмо к Charles Edmond'у, т. е. Хоецкому, — он вас сведет с Прудоном, несмотря на то, что Прудон мне короче знаком,

будто на совещаниях, происходивших в Лондоне, было принято «решение возглавить „Землю и волю“ редакцией „Колокола“» (см. там же). Конечно, ни Слепцов, ни даже Центральный комитет «Земли и воли» не могли принять такого решения, ибо это значило бы поступиться своей самостоятельностью. Да и Герцен не принял бы на себя такой роли; хорошо известно, что он считал невозможным руководить из-за границы работой революционной организации в России.

* *Рукой перлюстратора на верхнем поле надписи:* Копия и К № 587—68.

** *Перед текстом Герцена перлюстратором надписано:* Другой руки

но я с ним en cégémonie, как говорит Наполеон III, когда он в ссоре. Посылаю вам карточку к Хоецкому, он в сенате, хотя и не на Галерной⁵, — 18, Rue de l'Odéon.

Если вы желаете устроить дела с Ник. Ив. Тургеневым или с Трубецким (в Фонтенебло)⁶, я вышлю эпистолы.

Александр* уехал⁷, до 15 будет там — я получил от ваших петербургских родных письмо⁸.

А. Герцен

А. Мг Слепцов.

¹ Решившись остаться надолго за границей, Слепцов искал какую-нибудь литературную работу. Письмо Герцена к Мишле, содержавшее рекомендацию Слепцова, было послано в тот же день, что и комментируемое письмо. Таким образом, очевидно, что Лемке опубликовал письмо с ошибочной датой — 21 марта (mars) 1863 г. вместо правильной 21 мая (mai) (XVI, 145—146).

² Об этом же Флери Огарев запрашивал Слепцова в письме от 8 мая 1863 г.: «Отчего вы не ездил к Fleury? Отчего вам теперь к нему не ехать?» (XVI, 92). Печатаю письмо Огарева, Лемке высказал предположение, что упомянутый в нем Флери — быть может, А. Fleury, комиссар временного правительства 1848 г., изгнанный из Франции после наполеоновского переворота 2 декабря 1851 г. Возможно, однако, что это был Эдуард Флери (1815—1883), историк и археолог, автор «Etudes révolutionnaires» (1848—1859) и других произведений.

³ Н. Delaveau (Делаво) — французский писатель, переводчик на французский язык «Былого и дум» и других произведений Герцена. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, по указателю.

⁴ Повидимому, Герцен имеет в виду вышедшую в 1863 г. брошюру Мишле «La Pologne martyre. Russie. Danube».

⁵ Хоецкий был французским сенатором. На Галерной ул. помещался сенат в Петербурге.

⁶ О Н. И. Тургеневе и Н. И. Трубецком см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 828, и т. 62, 1955, стр. 582.

⁷ А. А. Герцен в это время находился в качестве агента «Земли и воли» в Швеции. Сообщая старшей дочери о предстоявшем его отъезде, Герцен писал: «Саша едет не сражаться, а по делам книжным и дипломатическим...» (XVI, 243). Целью поездки А. А. Герцена было, в частности, упорядочение переправки в Россию через Финляндию революционной литературы и оружия (см. выше, примеч. на стр. 145).

⁸ Под петербургскими «родными» Слепцова Герцен, несомненно, имел в виду его товарищ по Центральному комитету «Земли и воли». Между тем III Отделение, получив от своего агента копию публикуемого выше письма, вообразило, что в нем речь идет действительно о родственниках Слепцова, и потому приложило к справке о Слепцове список четырех его родных братьев: Алексея (подпоручика), Николая (председателя Рязанской гражданской палаты), Дмитрия (отставного поручика) и Василия (чиновника департамента герольдии), подозревая их в переписке с Герценом.

ОГАРЕВ — М. А. БАКУНИНУ

Публикация С. А. Никитина

Печатаемое ниже письмо Огарева относится ко второй половине шестидесятих годов, точнее — к 1867 г., когда вопрос об отношении русской революционной эмиграции к славянству, его освободительной борьбе и политике царского правительства в отношении славян приобрел особую остроту. 1866—1867 гг. были временем подъема южнославянского национально-освободительного движения против турецкого господства. В эти годы формировался союз Сербии, Черногории, Болгарии, Греции и Румынии с целью совместных вооруженных действий против Турции и завоевания независимости для подвластных Турции народов. Этот союз создавался правящими кругами заинтересованных стран при поддержке со стороны русской дипломатии, усилившей в эти годы свою активность в славянском вопросе.

В то же время московский Славянский комитет, организованный еще в 1858 г. группой панславистски настроенных деятелей (М. П. Погодин, И. С. Аксаков,

* К имени Александр рукой перлюстратора на копии добавлено: сын